

Под пренебрежительным взглядом вдовствующей императрицы императору стало не по себе. Он ведь действительно любил Ван Ина.

В день их первой встречи Ван Ин стоял в персиковом саду. На его бледном лице, прямо меж бровей, алела родинка-чжуша — яркая, точно капля свежей крови. Он слегка приподнял голову, наблюдая за кружением опадающих лепестков, и весь его облик дышал утончённой, прохладной отстранённостью.

Сердце молодого правителя тогда забилось в неистовом ритме. В голове билась лишь одна мысль: «О, если бы этот юноша принадлежал мне...» В те годы император только-только взошёл на престол, и в его покоях уже жили законная супруга и наложницы.

Выросший в запретных стенах, он насмотрелся на участь всеми забытых, отвергнутых наложниц. Не имея детей, они медленно угасали в безмолвных, холодных дворцах, доживая свой век в беспросветном отчаянии.

Однако император наивно верил, что не повторит ошибок покойного отца. Он мнил себя истинным владыкой Поднебесной, способным повелевать судьбами, а значит — и защитить того, кто стал ему дорог, до самого последнего вздоха.

Тогда он не стал торопиться с высочайшим указом и принуждать Ван Ина к жизни во дворце. Напротив, ради своего возлюбленного он совершал немыслимые, глупые глупости. Тайно сбегал из дворца, карабкался на стены поместья маркиза, лишь бы краем глаза увидеть, чем занят его избранник, и даже слагал робкие, незрелые стихи, которые велел незаметно передавать Ван Ину.

Как-то раз, неловко оступившись, он шлёпнулся в грязь, и за ним с громким лаем погналась свора собак. Ван Ин, наблюдая за его нелепыми попытками спастись, внезапно рассмеялся — открыто, искренне, и лицо его в этот миг озарилось божественной, неповторимой красотой. Ошеломлённый император так и застыл на земле, позабыв про верного слугу Юань Бао, который отчаянно пытался отогнать псов. Он полулежал в пыли, глядел на Ван Ина и заворожённо думал: «Ради этой улыбки я готов вытерпеть что угодно».

Император знал, что перед тем как решиться на этот шаг, Ван Ин долго терзался сомнениями. Ведь его возлюбленный был не обычным человеком, а повелителем всей страны. И всё же в конце концов Ван Ин добровольно шагнул в золотую клетку дворца.

К тому времени у молодого государя уже зрело недовольство тем, как плотно вдовствующая императрица держала в руках бразды правления. Стоило ему издать указ, как мать без колебаний отменяла его, если находила неудобным. При дворе едва ли находилось больше пары человек, кто действительно внимал его высочайшей воле.

Памятуя о том, сколько лишений мать претерпела ради его восхождения, император подавлял глухую обиду. Но у всякого терпения есть предел, а обитательницы заднего дворца были слишком глупы и тщеславны, чтобы понять терзавшую его тревогу.

Лишь Ван Ин умел посмотреть на мир его глазами. Он искренне верил, что истинный правитель должен ставить благо государства выше родственных уз. И какова бы ни была сыновняя благодарность императора, верховная власть в стране должна безраздельно принадлежать лишь ему одному.

Теперь, оглядываясь назад, император понимал: именно эта прямота и погубила Ван Ина. Будь он советником или министром, подобные речи снискали бы ему славу верного подданного. Но для супруга из заднего дворца — гэера, обязанного смиренно блюсти покой — такие мысли были приговором. Они лишь сильнее распаляли ненависть вдовствующей императрицы.

В конце концов вдовствующая императрица перенесла всю свою досаду и злость с непокорного сына на его фаворита.

Оказавшись меж двух огней, император метался в нерешительности. В конце концов, вдовствующая императрица оставалась его матерью, разделившей с ним все невзгоды прошлых лет. Видя, как сын отдаляется, она несколько раз со слезами на глазах заводила с ним доверительные беседы. Сетовала на его излишнюю мягкосердечность, упрекала в том, что он не может твёрдой рукой держать узду правления.

Император мучился от чувства вины, в то время как Ван Ин пытался избавить его от этих терзаний. Козни и придирки вдовствующей императрицы казались ему сущими пустяками, не стоящими монаршего внимания.

При этом воспоминании губы императора дрогнули в горькой усмешке. Только сейчас он по-настоящему осознал, как глубоко виноват перед покойным супругом.

По сути своей Ван Ин был на удивление чист душой. Клан Ван воспитывал его не просто как гэера, предназначенного для тихой жизни в женских покоях, но и не терзал его строгими канонами мужского образования. Оттого его суждения порой отличались обезоруживающей прямолинейностью.

В одном вдовствующая императрица оказалась безусловно права: такому человеку, как Ван Ин, никогда не следовало переступать порог дворца. Он, император, безумно любил его и клялся подарить ему весь мир, но на деле оказался бессилён защитить его от яда интриг.

Когда между ними пробежал первый холодок, до ушей государя не раз долетали грязные слухи. Слуги шептались, будто во дворце императорского благородного супруга тайно укрывают постороннего мужчину. Эти наветы облекались в туманные намёки, но всякий, кто умел слушать, без труда улавливал суть.

И император... засомневался. В минуты слабости он даже ловил себя на страшных мыслях:

«Если там действительно скрывается мужчина, как мне поступить с предателем?»

Человеческое сердце — хрупкая вещь, особенно когда на него обрушивается вся тяжесть дворцового гнёта. Ван Ин перестал доверять ему, и в этом не было его вины. Император сам предал собственные клятвы оберегать его от любых невзгод.

Вдовствующая императрица права: в смерти Ван Ина львиная доля вины лежит на нём самом.

Но даже если так... неужели сама вдовствующая императрица чиста перед Небом? Государь тяжело, немигающе уставился на мать. Пусть их отношения с Ван Ином дали трещину, это было делом двоих. Им и надлежало распутать этот узел, но мать не имела права вмешиваться и хладнокровно загонять его возлюбленного в могилу.

Император действительно был излишне мягок душой. Однако с тех пор, как Ван Ин покинул этот мир, он правил страной железной рукой, и величие истинного владыки всё же не угасло в его жилах.

В его взгляде сквозил леденящий холод. Вся былая нежность и сыновняя привязанность, копившиеся годами, испарились без следа. Под этим мертвенным взглядом вдовствующая императрица на мгновение оторопела, но быстро взяла себя в руки.

Государь обвёл взглядом замерших на коленях людей. Его взор остановился на Бай Эне, и в глубине зрачков вспыхнуло неподдельное омерзение. Он уже разомкнул губы, собираясь вынести смертный приговор, как вдруг вдовствующая императрица глухо прервала его:

— Сын мой. Всё, что совершила твоя мать, было сделано ради Бай Эня. И раз уж теперь я говорю об этом столь открыто, неужели ты не задумывался, почему я не боюсь гнева государя?

Император прищурился:

— И почему же?

Лицо вдовствующей императрицы оставалось бесстрастным, точно каменное изваяние.

— Лишь потому, что я уверена: даже зная всю правду, ты не посмеешь... действовать опрометчиво.

На самом деле она хотела сказать «не осмелишься», но в последний миг сдержала себя, заменив дерзкое слово более мягким.

Император нахмурился. Он искренне не понимал, какую скрытую угрозу таит в себе вдовствующая императрица, способную заставить его пощадить Бай Эня и остальных сообщников.

В глазах его матери промелькнула тень зловещей решимости. Она равнодушно спросила:

— Государь, здоровье твоей матери тает с каждым днём. Что, если я добровольно затворюсь в своих покоях до конца дней, а после смерти откажусь от права быть погребённой в императорской усыпальнице?

Само собой, эта уступка имела свою цену: император должен был даровать жизнь Бай Эню.

От подобной дерзости император едва не рассмеялся от злости. Ему действительно хотелось узнать, какая неведомая сила стоит за спиной его матери, если она без тени сомнения ставит ему условия.

В этот момент молчание нарушил Хан Сиэнь. Его взгляд был холоден как лёд.

— Ваше Величество, у Вашего слуги есть некоторые догадки касательно слов вдовствующей императрицы. Позволит ли государь высказать их?

Император перевёл взгляд на Хан Сиэня. Перед ним стоял юноша с глазами, до боли напоминавшими очи Ван Ина, и сердце правителя вновь сжалось от тоски.

— Говори, — глухо выдохнул он.

Хотя именно Хан Сиэнь заварил эту кашу, без него император так и остался бы слепцом, которому после кончины было бы стыдно предстать перед предками.

Хан Сиэнь на мгновение помедлил, взвешивая слова.

— Ваше Величество, мои слова могут прозвучать дерзко. Я прошу дозволения генералу Бай Вэньханю и его брату Бай Шу покинуть зал и ожидать Вашего решения за дверями.

Император опешил от такой просьбы. Было очевидно, что Хан Сиэнь пытается оградить братьев Бай от того, что сейчас прозвучит.

Вдовствующая императрица нахмурилась. Дурное предчувствие ледяной змеей скользнуло в её сердце.

Самому государю сейчас было тошно даже смотреть на Бай Вэньханя и Бай Шу, поэтому он без

колебаний велел им удалиться. Оказавшись за дверями величественного зала, братья опустились на колени и молча переглянулись.

На душе у Бай Вэньхэня царил полный хаос. Что за тайну собирается раскрыть Хан Сиэнь? И какая участь ждёт тех, кто станет свидетелем этой исповеди?

Бай Шу хмурился, напряжённо размышляя. Хан Сиэнь обещал отплатить ему за спасение жизни — но как именно он собирается это сделать? К счастью, Бай Шу обладал исключительным внутренним мастерством, и даже через плотно закрытые двери его чуткий слух улавливал каждое слово, звучавшее в зале.

Когда тяжёлые створки вновь сомкнулись, Хан Сиэнь выпрямился и устремил на вдовствующую императрицу прямой, безжалостный взгляд.

— Я полагаю, Ваше Величество с самого начала ведали, что как только правда о Бай Эне всплывёт наружу, его и весь Клан Бай ждёт неминуемая гибель. Осквернение заднего дворца — грех первый и тягчайший. В своих сегодняшних речах Ваше Величество не стали скрывать, что умышленно заставили императора усомниться в происхождении Бай Эня. Покушение на чистоту августейшей крови — грех второй. Кроме того, Вы без тени смущения поведали о гибели императорского благородного супруга, признавшись, что принудили наложника к самоубийству. Это грех третий. И всё же Вы держитесь столь уверенно, уповая на то, что государь пощадит предателей ради тайны, которую Вы храните. Долгие размышления приводят меня лишь к одному выводу: Ваше Величество готовы пойти на крайние меры и увлечь за собой всех в бездну.

Губы Хан Сиэня дрогнули в едва заметной, холодной усмешке.

— Когда эта догадка впервые пришла мне в голову, я немало подивился. Ведь если рассудить по совести, и Бай Энь — Ваше дитя, и великий государь — тоже Ваша плоть и кровь... Желает ли вдовствующая императрица, чтобы я продолжил?

Вдовствующая императрица мёртвой хваткой вцепилась в резные подлокотники своего кресла. Её губы сжались в тонкую нить, а взгляд стал остекленевшим от сдерживаемой ярости.

— Говори, — ледяным тоном приказал император. — Мне и самому любопытно узнать, какую участь уготовила мне любящая матушка.

Рискуя навлечь на себя ярость государя, Хан Сиэнь хранил молчание на протяжении долгого времени, давая вдовствующей императрице шанс заговорить самой. Однако та лишь безмолвно буравила его взглядом.

Тихо вздохнув, Хан Сизнь низко поклонился императору и отчётливо произнёс каждое слово:

— По мнению Вашего слуги, единственное грозное оружие, коим вдовствующая императрица может удержать руку государя — это обвинение в незаконнорожденности самого императора.

— Что ты сказал?! — Вспыхнув от ярости, император резко поднялся с трона.

Гнев багровой волной прилил к его лицу. Сомнение в чистоте крови означало лишь одно: заявление, будто он не является сыном покойного государя и занимает престол незаконно.

Пролейся этот слух наружу — и императорские родичи тут же ухватились бы за него, требуя расследования и лишения престола под любым благовидным предлогом.

Император медленно повернулся к матери, его голос сорвался на шёпот:

— Неужели ты... действительно собиралась пойти на это ради шантажа?

Возможно, в глубине души он хотел спросить, не кроется ли в её словах доля горькой правды, но страх сковал его разум. Ему оставалось лишь бессильно уповать на ложь.

Все присутствующие в зале оцепенели, поражённые неслыханной дерзостью этих речей. Единственным, кто сумел сохранить ясность ума, оставался Цзи Ло. В душе он с облегчением подумал, что Хан Сизнь поступил невероятно мудро, вовремя удалив братьев Бай из зала. Услышь они эту смертоносную тайну, будучи членами опального клана, они бы точно не вышли из дворца живыми.

Что же касается тех, кто остался в этих стенах... едва ли многим из них суждено было увидеть завтрашний рассвет.

— Вдовствующая императрица решилась на отчаянный шаг, — бесстрастно продолжал Хан Сизнь. — Она Ваша родная мать. Стоит ей заговорить, и никакие преграды не удержат молву от расползания по всей Поднебесной. Слух о сомнительном происхождении государя мгновенно пошатнёт трон. Для загнанного в угол зверя это идеальный способ давления. Наверняка её Величество уже приняла меры: к примеру, оставила заверенное письмо в надёжных руках за пределами дворца. Стоит жизни Бай Эня оборваться — и послание явится свету. Великая Чжоу погрузится в хаос, а под Вашим Величеством задрожит престол.

Сделав короткую паузу, Хан Сизнь прищурился, глядя на вдовствующую императрицу:

— Но разум Вашего слуги слишком беспокоен, и в нём созрел еще один вопрос. Он вновь касается покойного императорского благородного супруга. Перед тем как подтолкнуть Ван Ина к роковой черте, не пригрозили ли Вы ему тем же самым? Не потому ли он молчал, страхась открыть государю правду о Вашей постыдной связи с Бай Цзюнем?

Вдовствующая императрица медленно прикрыла веки. Лицо её осунулось, выдав глубокое опустошение. Хан Сиэнь и не ждал признаний. Он лишь озвучивал свои догадки, понимая, что истина навсегда останется запертой в тайниках её израненной души.

Но даже надёжно сокрытые тайны имеют свойство воскресать в памяти — либо на пике триумфа, либо на самом дне падения, заставляя вновь прибегать к грязным интригам.

И никто в подлунном мире не узнал бы об этом, не умей Хан Сиэнь читать чужие помыслы.

В те далёкие годы, когда тайная связь вдовствующей императрицы была раскрыта, а под сердцем затрепетал нежелательный плод, она в панике и смятении поглаживала свой живот, пока в её голове не созрел безупречный план, способный заставить замолчать любого свидетеля.

Тогда она с ледяным равнодушием бросила загнанному в угол Ван Ину:

— Доноси на меня императору, мне не страшно. Если он решит покарать меня, я объявлю во всеуслышание, что в его жилах нет ни капли монаршей крови. Моя смерть — ничто, но государю тогда будет не до спасения собственной шкуры. А уж о тебе, презренном предателе, и вовсе никто не вспомнит.

Никто не мог знать наверняка, хватило бы у неё духу исполнить угрозу. Но Ван Ин понимал: раскрыть постыдную тайну вдовствующей императрицы он не в силах. Бремя вины за смуту в государстве и крах империи было слишком неподъёмным для его плеч.

За этим последовали подозрения, а следом — глухое отчаяние, сокрушившее его волю к жизни.

Император плотно сжал губы — в этом жесте проступило его поразительное сходство с матерью. Он неотрывно смотрел на неё, требуя безмолвного ответа. Если Ван Ин действительно выслушал этот страшный шантаж, то именно он стал тем ядом, что медленно подточил его силы.

Случись подобный разговор в прошлом, разве сам государь не затрепетал бы от ужаса, выместив впоследствии весь свой страх на ни в чём не повинном Ван Ине?

Вдовствующая императрица медленно открыла глаза и тяжело вздохнула. Её взгляд обратился к Хан Сиэню.

— Наследник Хан действительно превосходит обычных смертных проницательностью. У меня действительно... за пределами дворца припрятано ложное свидетельство. Однако я намеревалась поведать об этом государю наедине, без лишних ушей. Не думала, что ты

сорвёшь этот покров столь бесцеремонно.

Она не стала говорить, знал ли об этом Ван Ин, да это было уже и не важно. Семя сомнения пало в благодатную почву, и государь сам достроит в мыслях недостающие детали трагедии.

При слове «ложное» с души императора словно свалился огромный камень, но облегчение тут же сменилось новой, еще более неистовой бурей гнева.

В этот миг ему померещилось, будто в его жилах действительно течёт чужая кровь — но не потому, что у его отца был соперник, а потому, что эта женщина просто не могла быть его матерью. Разве способна родная мать сотворить столь изощрённое, злобное чудовище?

Даже на краю бездны вдовствующая императрица попыталась очернить Хан Сизня, однако тот ничуть не страшился беззубой тигрицы.

Юноша лишь слегка опустил ресницы, пряча усмешку, и ответил ровным, спокойным голосом:

— Ваш слуга ни на миг не сомневается в чистоте августейшего происхождения государя. У меня нет иных достоинств, кроме излишне пытливого ума, жаждущего докопаться до сути вещей. К тому же я терпеть не могу, когда кто-то мнит себя великим кукловодом, способным вертеть судьбами людей ради собственной прихоти.

На мгновение в его мыслях всплыл праздный интерес к прошлым жизням: любопытно, удалось ли вдовствующей императрице довести свою игру до конца в тех забытых воплощениях?

Впрочем, эта мысль растаяла так же быстро, как и появилась. Сейчас следовало думать о насущном.

Угроза вдовствующей императрицы о спрятанном письме по-прежнему висела над императором дамокловым мечом. Пойти у неё на поводу означало проглотить мерзкое насекомое — терпеть непреходящую, удушающую тошноту при каждом воспоминании об этой слабости.

Но отвергнуть условия — значило рискнуть престолом и миром в государстве, если тайна всё же вырвется на волю. Пытать собственную мать государь не мог, а во дворце у стен слишком много ушей, чтобы утаить суровое наказание.

Оказавшись в безвыходном тупике, император едва сдерживал бушевавшее в груди пламя ярости.

Каждый из стоявших на коленях слуг прекрасно понимал, что услышанное сегодня — смертный приговор. Даже если обвинения в ложности крови были опровергнуты, один взгляд на свидетелей этой позорной сцены будет вызывать у императора удушливую злобу.

Хан Сиэнь не собирался далее вмешиваться. Он вырвал жало у вдовствующей императрицы, лишив её главного козыря, и сделал всё, что было в его силах. Теперь его томила лишь одна мысль — вернуться домой и хорошенько выспаться.

Склонив голову, он заговорил тихим, подчёркнуто вежливым тоном:

— Ваше Величество, сие дело при желании можно счесть государственной важностью, а можно — лишь семейной неурядицей Вашего Величества. Ваш слуга сегодня изрядно пьян и наговорил много лишнего. Прошу государя простить мне эти хмельные бредни.

Порочная связь вдовствующей императрицы с Бай Цзюнем и рождение незаконного сына пятнали честь династии, а потому не могли лечь в основу официального обвинения против Бай Цзюня. Всё это должно было кануть в лету.

Хан Сиэнь, распутавший этот змеиный клубок, заслуживал величайшей награды, но получить её было невозможно. Напротив, ему пришлось смиренно вымаливать прощение за то, что он бесцеремонно влез в личную жизнь венценосной семьи.

Отныне вся забота о судьбе виновных ложилась исключительно на плечи государя.

Рассудительность Хан Сиэня немного смягчила императора. Свидетели этой драмы вызывали у него лишь глухую неприязнь, но взгляд юноши, так похожий на взор Ван Ина, уберёт его от немедленной опалы.

— Раз уж ты хмелен, — сухо проронил император, — ступай протрезвись.

Однако Хан Сиэнь остался стоять на коленях, не шелохнувшись, с безупречно прямой спиной. Государь удивленно приподнял бровь.

Выдержав паузу, Хан Сиэнь поднял голову и произнёс еще тише:

— Ваше Величество, застава Небесных Врат в Сицзяне — суровый, ледяной край, кой чрезвычайно трудно оборонять. С тех пор как маркиз Цзинго вернулся в столицу, тамошние гарнизоны остро нуждаются в опытных военачальниках. Полагаю, Бай Вэньхань и его брат Бай Шу проявили непозволительную дерзость перед лицом государя. Ваш слуга просит лишить Бай Вэньханя звания генерала и сослать его вместе с братом на заставу Небесных Врат — искупать вину верной службой на границе.

Цзи Ло сразу понял, что Хан Сиэнь пытается спасти братьев от неминуемой плахи. Его сердце тревожно забилось от страха перед возможным отказом императора, но он не смел выдать своего волнения ни единым жестом.

Государь хмуро взирал на просителя. Его душу по-прежнему переполняла ярость.

Предательство Бай Цзюня заслуживало самой мучительной казни, и весь род Бай должен был разделить его горькую участь.

И пусть Бай Вэньхань и Бай Шу всегда держались в стороне от семейных интриг, в их жилах текла кровь изменника.

Одно упоминание об этом отроде пробуждало в императоре жажду расправы.

Просьба Хан Сиэня спасти братьев вызвала у него новый приступ раздражения.

Но стоило государю взглянуть в лицо Хан Сиэня, как перед его мысленным взором вновь возник образ плачущего Ван Ина, молящего о пощаде для близких. Сердце императора сжалось от запоздалого раскаяния.

Закрыв глаза, он вспомнил, что этот юноша — единственный уцелевший осколок той жизни, что связывала его с Ван Ином.

— Пиши указ, — сквозь зубы процедил император. — За пренебрежение сыновним долгом и непочтительность к старшим наказать Бай Вэньханя и Бай Шу тридцатью ударами палок. Лишить Бай Вэньханя воинского звания и сослать обоих простыми ратниками на заставу Небесных Врат в Сицзян. Без высочайшего повеления в столицу не возвращаться.

— Благодарю Ваше Величество за милость, — почтительно произнёс Хан Сиэнь.

Император небрежно махнул рукой, отпуская его. Хан Сиэнь оказался единственным, кому было дозволено покинуть этот проклятый зал на собственных ногах. Когда тяжёлые двери распахнулись, он увидел коленопреклонённых братьев Бай.

Бай Шу неотрывно провожал его взглядом, полным невыразимой смеси чувств.

Хан Сиэнь прошёл мимо, даже не повернув головы. Край его роскошного одеяния скользнул по пальцам Бай Шу. Тот порывисто протянул руку, силясь поймать уходящую тень, но ладонь схватила лишь холодный воздух. Лицо его подёрнулось растерянностью.

Хан Сиэнь неспешно шёл по бесконечным дворцовым переходам. А позади него вскоре раздались глухие, тяжёлые удары палок, впивающихся в плоть.

Снося жестокие удары наказания, Бай Шу упрямо оборачивался вслед удаляющейся фигуре Хан Сиэня, пока тот окончательно не скрылся за массивными воротами внутреннего дворца.

То ли из-за невыносимой физической муки, то ли по какой другой причине, но в груди у Бай Шу разлилась щемящая, непереносимая боль.

Весть о благополучном выходе Хан Сиэня из дворца мгновенно разлетелась среди чиновничества. Столичные вельможи наперебой гадали, какая буря разыгралась за закрытыми дверями тронного зала.

Стоило юноше переступить порог поместья герцога Хань, как из императорской канцелярии один за другим полетели грозные указы.

Первым делом огласили приговор клану Ши за незаконную добычу золота в рудниках и тайное пособничество второму принцу Цзи Жуну в его притязаниях на трон. Вина была доказана полностью: благородную супругу Ши лишили титула и сослали в холодный дворец, а всех членов её семьи бросили в застенки в ожидании осенней казни.

Самого старого маркиза Ши вынесли из дворцовых ворот на носилках — поговаривали, что дряхлый старик уже дышал на ладан.

Следом кара обрушилась на клан Бай за сговор с кланом Ши и попытку возвести второго принца в ранг наследника. Их преступления признали тягчайшими; все родственники Бай Цзюня были немедленно взяты под стражу до осени.

Второго принца Цзи Жуна приговорили к пожизненному заточению в собственных покоях без права покидать усадьбу. Третьего принца Цзи Ло сослали охранять императорские гробницы сроком на полгода.

На фоне этих сокрушительных потрясений изгнание Бай Вэньхана и Бай Шу из столицы показалось придворным малозначительной мелочью.

Никто не понимал, что за дьявольщина творилась во дворце: влиятельнейшие мужи вошли туда полными сил, а вышли — покойниками и изгнанниками. Самые пронырливые шпионы шептались, что вдовствующая императрица окончательно затворилась в своей обители, а любимый фаворит государя скоростижно скончался от загадочной болезни.

Вдумчивые сановники тщательно вчитывались в текст указов. Если вина клана Ши не вызывала сомнений, то суровая кара для семьи Бай за обычную поддержку принца казалась подозрительно жестокой.

Заточение второго принца укладывалось в рамки обычных законов, но вот участь третьего принца вызывала недоумение.

Ссылка на императорские гробницы могла стать как предвестником скорой гибели, так и величайшей милостью перед будущим возвышением. К тому же сейчас было совсем не время для подобных ритуалов, и придворные окончательно запутались в истинных намерениях

государя.

Уцелевшие чиновники лишь испуганно качали головами. В кулуарах вновь поползли шепотки о том, что Хан Сиэнь — настоящий вестник несчастий: всякий, кто осмелится встать на его пути, неизменно находит свою погибель.

<http://bllate.org/book/20088/2002065>